

² СОДЕРЖАНИЕ /

Предисловие Златы Филипович

13

Первый учебный год, осень 1994 г.

Запись № 1 / Из дневника мисс Груэлл 21

Первый день в школе 27

Единственный белый парень 29

До меня докопались 31

Беспорядки на школьной территории 33

Покупка ствола 34

Смерть друга 37

Принятие в банду 40

Женский клуб: обряд посвящения 41

Тэггинг 45

Поправка 187: дискриминация 46

Дислексия 48

Центр временного содержания 50

Неблагополучные районы 52

Русская рулетка 54

Первый учебный год, весна 1995 г.

Запись № 2 / Из дневника мисс Груэлл 57

«Ромео и Джульетта»: вражда банд 61

Подростковая любовь и побег 62

Проблемы лишнего веса 65

Уроки многообразия 67

Теракт в Оклахоме 69

«Прощание с Манзанаром»: лагеря
для интернированных японцев 70

Выступления о преодолении трудностей 72

Джон Ту: идеальный отец
и отсутствующий отец 74

Второй учебный год, осень 1995 г.

Запись № 3 / Из дневника мисс Груэлл	81
Бездомность	86
Муковисцидоз	89
Застенчивость	90
«Двенадцать разгневанных мужчин»	91
Английский на отлично	93
Средневековые и дресс-код	95
Урок толерантности	98
Тост за перемены	99
Старший на районе	101
Свидетельница в суде	102
Подростковый алкоголизм	106
Магазинная кража	108
«Дневник Анны Франк»	111
Анна, Злата и я	112
Босния и беспорядки в Лос-Анджелесе	114
Петер Маасс: статья о Боснии	115
Приглашение для Златы	117

Второй учебный год, весна 1996 г.

Письмо Злате	121
Запись № 4 / Из дневника мисс Груэлл	123
Знакомство с тем, кто пережил холокост	128
Женщина, приютившая семью Анны Франк	129
«Миг»	131
Злата принимает приглашение	134
Ужин со Златой	135
Дружба разных	136
«Я человек»	137
Терроризм	140

День толерантности: экскурсия	142
Зависимость	145
Баскетбол для Боснии	148
Письмо Златы	151
Развод	153
Друзья приходят в класс	155
Письмо Мип Гиз	157

Третий учебный год, осень 1996 г.

Запись № 5 / Из дневника мисс Груэлл

Учительница-расистка	163
Смерть бабушки	167
Расовые беспорядки	169
Ответственность за оценку	171
Размышления о самоубийстве	173
Побег	175
Первая работа	177
Мизогиния	179
Растление	181
Жестокость бойфренда	184
Насилие в семье	187
Жестокое обращение с детьми	189
Смерть брата	193

Третий учебный год, весна 1997 г.

Запись № 6 / Из дневника мисс Груэлл

Приезд друзей Анны Франк	203
Маскировка страха	205
Жизнь в неблагополучном районе	206
Дислексия	209
Письмо Мип Гиз	211
Редактирование дневников	213
Аборт	215

Катализаторы перемен	216
«Пассажиры свободы»	218
«Американский дневник... Голоса необъявленной войны»	221
Концерт для сбора средств	224
Стихи «писателя свободы»	225
Объединение «писателей свободы»	226
Строгий отец	228
Арлингтонское кладбище	231
Мемориал Линкольну: у «Писателей свободы» есть мечта	232
Заклеенные свастики	233
Преступления на почве ненависти	235
Музей холокоста	237
Доктор Менгеле и близнецы	239
Ужин с министром Рили	240
«Держись»	242
Министр Рили получает дневник «Писателей свободы»	244
Сбор со свечами	246
Отъезд из округа Колумбия	248
Возвращение героя в семью	251
Джереми Стромейер: убийство	253
Дэвид Кэш	255
Марш мира в память Шеррис Айверсон	256
Президент класса	259
Сепарационная тревожность	261
Остаемся вместе	263

Четвертый учебный год, осень 1997 г.

Запись № 7/Из дневника мисс Груэлл	267
Шерил Бест: вдохновение	270
«Извещение о выселении»	272

Финансовые проблемы	274
Нелегальная иммигрантка	276
Первый латиноамериканский министр образования	279
Мечты о кино	281
Невыбранный путь: размышления о колледже	282
Поиск наставника	284
Мы сами наставники	286
Статья в Los Angeles Times	289
Письмо из тюрьмы	290
Отец, который боится меня	292
Дедовщина в женском клубе	294
Страх потерять отца	297
Смерть матери	299

Четвертый учебный год, осень 1998 г.

Запись № 8 / Из дневника мисс Груэлл	305
Спонсорство GUESS	308
Награда «Дух Анны Франк»	310
Соседки в Нью-Йорке	312
День уважения Анне Франк	315
Злоупотребление властью	316
Петер Маасс: роль журналиста	319
Книжный агент	321
Публикация	322
Баскетбол: командная работа	323
Урок из «Скотного двора»	326
Корректировка взглядов	327
Знакомство с сенатором Барбарой Боксер	330
Синдром дефицита внимания	332
Гомосексуализм	334
Королева выпускного	336

«Кто спасет одну жизнь, спасет целый мир»	339
Разорванный порочный круг	341
Футбольная сборная	343
Бейсбольная дилемма	345
Принята в колледж	347
Боязнь быть брошенной	349
Подростковая беременность	351
«Юго-западные авиалинии»	353
Компьютеры для колледжа!	355
«Щедрое дерево»: родители-наркоманы	356
Речь на выпускной церемонии	359
Путь от наркотиков до похвал	360
Преодоление трудностей	364
Выпускной!	366
Эпилог	373
Записи к <i>десятой</i> годовщине дневника	383
Записи к <i>двадцатой</i> годовщине дневника	434
Благодарности	571
Фонд «Писателей свободы»	574
Об авторах	575

*Посвящается нашей замечательной учительнице
мисс Груэлл,*

которая научила нас верить в себя;

Анне Франк,

которая вдохновляла нас писать;

нашей подруге Злате,

которая передала нам эстафету;

*участникам правозащитного движения «Пассажиры
свободы» (Freedom Riders),*

которые проторили нам путь;

а также детям всего мира,

*жизнь которых отнята бессмысленным насилием,
но дух по-прежнему жив.*

ПРЕДИСЛОВИЕ ЗЛАТЫ ФИЛИПОВИЧ

z

/13

Когда ко мне обратились с просьбой написать предисловие к книге «Писателей свободы», для меня, признаться, это стало огромной честью и поводом для гордости. В то же время я изумилась тому, как много удивительного может случиться за столь короткий срок.

Я познакомилась с учениками школы Уилсон-Хай в марте 1996 года, когда благодаря своей преданности делу, усилиям и энтузиазму они добились приглашения в город Лонг-Бич, Калифорния, для моих родителей, Мирны (моей лучшей подруги из Боснии, которая в то время жила у нас) и меня. Встретившись с ними, я была тронута их душевным теплом и добротой. Будучи подростками, как и я, они, подобно молодежи всего мира, обладали поразительным потенциалом — способностью вырасти и стать поистине замечательными людьми, лидерами, вдохновляющими других.

Эти школьники и их учительница Эрин Груэлл прочитали «Дневник Анны Франк» и мою книгу

«Дневник Златы: жизнь ребенка в Сараеве» (и много других книг), и это чтение побудило их начать вести собственные дневники. Они объединились и решили сделать нечто особенное, запоминающееся, впечатляющее и человеческое. От привычки делать все спустя рукава, как раньше, они предпочли избавиться и принялись писать, творить, бороться со стереотипами и оправдывать звание истинных «Писателей свободы». Я чрезвычайно горда и счастлива, что мне представился случай познакомиться с ними и сыграть некую роль в «становлении» их как человеческих существ.

Собственный дневник я начала вести еще до войны в Боснии, потому что хотела сохранить память о своем детстве, создать то, к чему могла бы возвращаться, чтобы смеяться, плакать и вспоминать. Мне хотелось увидеть, как в том, что я пишу, просматривается мое взросление. Некоторые из моих старших подруг вели дневники, и я, прочитав записи Анны Франк и Адриана Моула, окончательно убедилась: это то, что мне нужно. Мне и в голову не приходило, что мой дневник опубликуют. И уж конечно, я не ожидала, что в нем будет описана война. Я и представить себе не могла, что мое детство оборвется так внезапно. Все это казалось невысказанным, об этом не думалось, потому что человеческой природе свойственно верить, будто «плохое» происходит только с другими, а не с нами. А когда беда постигает нас, мы вдруг обнаруживаем, что удивлены, растеряны, испуганы, злы и опечалены.

Когда началась боснийская война со всеми ее ужасами и разрушила мое счастливое и беззаботное детство, дневник стал для меня не просто тетрадкой для описания повседневных событий. Он превратился в друга; бумага, из которой он был сделан, охотно и с готовно-

стью принимала все, что мне требовалось высказать; он выдерживал мой страх, мои вопросы и мою печаль. Я открыла для себя красоту письменного слова, когда можно излиться в великую белую пустоту и наполнить ее эмоциями и мыслями, чтобы они остались там навсегда. Писать я продолжала почти два года войны; мои записи стали чем-то вроде психотерапии, помогающей справиться с тем, что происходило вокруг.

Я вижу аналогию между «Писателями свободы» и мной, потому что все мы подвергались воздействию таких элементов нашего окружения, которые могли заставить нас почувствовать себя жертвами. Жизнь приносит как хорошее, так и плохое, люди печалются и радуются у себя дома, в кругу семьи, в школе и на улице. Порой мы страдаем потому, что слишком многое вокруг не зависит от нас: цвет кожи, бедность, религия, ситуация в семье, война. Было бы легко назвать себя жертвой обстоятельств и продолжить печалиться, бояться или злиться. Но можно сделать другой выбор: разобраться с несправедливостью по-человечески, разорвать цепь негативных мыслей и энергии, не позволить себе втянуться в нее. Когда мы пишем о том, что происходит с нами, это дает нам возможность беспристрастно взглянуть на все, что творится вокруг, и превратить негативный опыт в нечто позитивное и полезное. Этот процесс требует большого труда, усилий и великодушия, но он возможен, и «Писатели свободы» доказали это — они выбрали трудный, но эффективный путь.

После того как я покинула Боснию, война продолжалась, и, как мы все видели, подобное происходило

Предисловие
Златы
Филипович

и в Косове. Меня спрашивали, что я об этом думаю, а я могла сказать только одно — что я страшно расстроена. Сегодня почти всем молодым жителям бывшей Югославии известно, какой звук издают бомбы, каково сидеть в подвале или терпеть отсутствие воды, электричества или крыши над головой. Эти дети и молодые люди не в состоянии ничего поделать с ситуацией, в которую попали. Я надеюсь только, что гнев, ненависть и грусть, которые они испытывают, не останутся подавленными у них внутри и что они смогут преодолеть свой жизненный опыт. Потому что если они вырастут, затаив в себе такие страшные чувства, то это приведет к очередной войне в будущем, когда судьба страны окажется в их руках. Вот почему я верю: все, что преодолели и чего достигли «Писатели свободы», чрезвычайно важно и достойно уважения. Если бы они решили заикнуться на гнев и ярости, которые окружали их в той среде, где они жили, семена ненависти и страха проросли бы в них и история повторилась бы с их детьми в будущем. «Писатели свободы» решили разорвать порочный круг и сделать свой позитивный опыт уроком для будущих поколений.

И конечно, я всегда буду с глубоким уважением и восхищением относиться к наставнице «Писателей свободы», их другу и учителю Эрин Груэлл, с которой дружу и сама. Она не хочет, чтобы ее хвалили или приписывали ей все то замечательное, что исходило из класса 203 школы Уилсон-Хай, но она заслужила похвалы. Эрин была (и по-прежнему остается) для «Писателей свободы» не просто учителем. Она заменяла родителей тем, у кого их не было, или тем, кто не мог прийти к взаимопониманию в семье. Она стала старшим другом, с которым весело проводить

время, но вместе с тем оставалась всецело преданной своим «детям», заботилась о них и боролась за каждого из них. Она подарила им свои знания, упорство и любовь и коренным образом изменила жизнь своих учеников. Они могли бы остаться «способными, но ленивыми», соответствуя ярлыку, приклеенному на них до того, как они попали в ее класс. Но всего за несколько лет Эрин кардинально изменила ситуацию и создала спокойную, безопасную обстановку, в которой ученики смогли вырасти, расцвести и стать прекрасными людьми. Эрин превратила их в писателей и даже, не побоюсь этих слов, в исторических личностей. Многие учителя дорожат личным временем, оставшимся от уроков, но Эрин отдавалась работе целиком и полностью. Она поставила себе цель помогать своим ученикам получать знания, замечать несправедливость и указала им оружие для борьбы с нетерпимостью (таким оружием стали перо, знания, твердая вера и непреклонная решимость). И наконец, Эрин научила их, как занять место в мире, принадлежащее им по праву. Я знаю: ученики будут помнить ее до конца своих дней, и не без причины. Хотелось бы мне, чтобы учителя повсюду были такими же, как она, потому что тогда мир стал бы гораздо лучше. Я всегда повторяю, что молодежь — это будущее мира, и если мы начнем с нее, если будем учить молодых людей и развивать в них чувство терпимости, наше будущее и будущее планеты окажется в надежных руках на много поколений вперед.

Сколько добра может получиться из худа? Я — наглядный пример. Я была маленькой счастливой девочкой из Сараева, когда в нашей стране разразилась война. И вдруг я обнаружила, что мне есть что сказать

Предисловие
Златы
Филипович

и что я могу повлиять на мир. Я не желала такой ответственности — я хотела бы, чтобы мой дневник никогда не был опубликован. Если бы не война, у меня не было бы причин делиться им со всем миром. Но даже это привело к чему-то хорошему.

Дневник Анны Франк вдохновил весь мир, ее трагедия обернулась ростками добра. Благодаря силе духа Анна держалась так долго, как только могла, и впоследствии удостоилась признания от миллионов людей разного возраста. Величие тех, кого больше нет с нами, продолжает, к счастью, вести за собой и вдохновлять тех, кого они оставили после себя.

Мой дневник отчасти воодушевил «Писателей свободы» и, возможно, других людей, побудил их начать собственные дневники и изменить ситуацию, в которой они оказались. Я слышала, как люди говорят: важно не столько то, что происходит с нами, сколько то, как мы справляемся с происходящим, — и «Писатели свободы» наглядный тому пример. Они могли принять решение ответить расизмом на расизм, ненавистью — на ненависть, болью — на боль. Но они не стали. Если все мы поступим так же, как «Писатели свободы», примем решение по-человечески справляться с нечеловеческими ситуациями, мы преобразим окружающий мир и преподадим позитивные уроки самим себе и остальным.

К сожалению, я убедилась, что мы не в состоянии полностью искоренить все зло, какое есть в мире. Но мы можем изменить способ, которым справляемся с ним, — можем стать выше этого зла и быть сильными и верными себе. И самое важное — мы можем вдохновлять других, что и делает нас человеческими существами и приносит нам бессмертие.

Надеюсь, эта книга вдохновит читателей вести собственные дневники, писать рассказы, стихи, книги, искоренять предрассудки и выбирать позитивные способы борьбы с ними, усваивать новые уроки и делиться знаниями с другими людьми. Все это остается на ваше усмотрение, читатель, а я желаю вам удачи.

Дублин, июль 1999 года

Дневник

1

Дорогой дневник,

мне всегда казалось, что «странный» — слово из восьми букв, а сегодня выяснилось, что их в нем всего шесть, и сами буквы другие — «Гру-элл». Моя новая учительница английского какая-то инопланетянка. Интересно, как ей досталась эта работа. Администрации следовало понять, что не стоит доверять ей эти уроки, а ей не стоило соглашаться. Как она справится с четырьмя классами, полными отбросов этой школы? Большинство здесь вообще сомневаются, что мы умеем хотя бы читать или писать.

/27

Она, наверное, водит новенькую машину, живет в трехэтажном доме и туфель у нее пар пятьсот. По моему, ей самое место в классе напротив, у «одаренных учеников». Да, туда бы она вписалась — она и все эти якобы одаренные белые детишки, которые считают

/
Первый
учебный
год.
Осень
1994 г./

Дневник № 1

*Моя новая учительница
английского — какая-то*

инопланетянка

себя лучше остальных. К нам она заявила с видом «я очень милая, и мне не все равно». Но этот номер не пройдет. Мы же все до единого понимаем: она будет относиться к нам как все остальные. А хуже всего, что я знаю почти наверняка: она думает, что если кто-то и сумеет переделать нас, так это она. Только она одна, «слишком молодая и слишком белая, чтобы

работать здесь», возьмет и перевоспитает безнадежных «кандидатов на вылет», ребят «с раёна».

Не буду отрицать, наш класс в самом деле похож на дрянной повтор «Копов», и свидетельств тому у нее наверняка полно. Она, наверное, рассадит нас в алфавитном порядке, чтобы избежать ссор. Должно быть, прямо сейчас и решает, кого куда. Ручаюсь, для нее все мы «ниже среднего» — когда она получала свой диплом, никто не предупреждал, что ей достанутся такие ученики. Но, честно говоря, кое-кому из этих болванов не мешало бы поменять отношение.

Почти все эти ниггеры ходят при стволах и всегда готовы пальнуть. И черта с два они попадутся, в этих своих штанах мешком: мы с друзьями вшестером в одни такие влезем. В них базуку можно спрятать, и никто не заметит.

28

По-моему, кое-кому в этом классе вообще не место — вон в углу белый парень глядит в свое расписание, все еще надеется, что не туда попал. Всю жизнь он был частью большинства, но едва переступил порог, как оказался в меньшинстве. Здесь белая кожа не принесет ему привилегий. На него глазеют почти все, а кто не глазеет, тот просто считает, что он или тупой, или прогулял тот день, когда надо было проходить тест на способности к обучению.

А есть еще такие, как я, — мы посередине. Не крутышки, но уж точно не ботаны. Ума не приложу, как меня занесло в этот класс. Точно не в наказание. И хоть английский для меня не родной, я точно знаю — мне здесь не место.

Мне уже ясно, что будет дальше: нам навяжут какую-нибудь толстенную второсортную книжку на английском, первая же страница которой надежно

усыпит нас. С другой стороны, с таким классом ей наверняка будет что вписать в резюме. Интересно, долго ли она вытерпит этих уродов: даже мне охота свинтить отсюда. Ручаюсь, на днях она заявится прямо к директору, чтобы отпроситься, — тоже мне новость.

«Эти ребятки доведут нашу дамочку до увольнения в первую же неделю», — говорили мои друзья. И кто-то добавил: «Она и дня не продержится».

Даю ей месяц.

Дневник

2

Вороной дневник,

какого черта я делаю

здесь? На этом уроке английского я единственный белый! Сажу в углу класса (если можно так назвать этот бардак), гляжу в расписание и думаю: «Меня что, правда определили сюда?» Ладно, я понимаю, что в старших классах полагается встречаться с самым разным народом, но мне казалось, это будет выглядеть как-то иначе. Чисто мое «везение»: я угодил в класс, полный трудных подростков, которых возят в школу автобусами из неблагополучных районов. С этими отверженными я в самом деле чувствую себя не в своей тарелке. Здесь даже стульев не хватает. Моя учительница, мисс Груэлл, молода и решительна, но этот класс неуправляем, и ее, ручаюсь, надолго не хватит.

Школьное начальство само напросилось на неприятности, собрав этих ребят в одном классе. Того и гляди грянет катастрофа.

Первый
учебный
год.
Осень
1994 г./

Дневник № 2

Перед уроком я обедал в школьном дворе и заметил, что здесь, как везде, все разбилось по расовой принадлежности. У каждой расы свой угол, никто ни с кем не смешивается. Все, в том числе и я, обедают с себе подобными — и точка. У каждого угла свое название: в «Беверли-Хиллс» или «Диснейленде» тусуют белые и богатенькие. Есть еще «Чайна-таун» — там азиаты. Место, которое обычно занимают латиносы, называют или «Тихуана-таун», или «Бегом к границе». А у черных свое «Да гетто». Есть и парад уродов среди двора: обычно середину оставляют для наркош, их так и зовут — торчки, и там же собираются готы. Судя по тому, что творится вокруг меня, в классе принято то же разделение, что и во дворе.

Все мои друзья — в классе для одаренных, дверь напротив через коридор. Почти все белые. Там меня если кто и беспокоит, так это по-настоящему крутые и популярные, которые считают, что они лучше всех. В остальном среди своих мне ничто не угрожает. А здесь уже ясно, что предстоит борьба за выживание. И я жду, что ко мне вот-вот прицепятся.

Надо поскорее свалить из этого класса в другой, напротив, к моим друзьям. Сразу же после уроков попробую уговорить своего куратора перевести меня отсюда. Буду врать и уверять, что компьютер ошибся и что мое место — с одаренными, хоть по английскому я не тяну и у меня трудности с обучением. Она мне точно повесит, я же белый.

Не нравится мне этот галдеж. Просто хочу выбраться отсюда. Скорее бы звонок. Ни минуты лишней здесь не задержусь. А если останусь здесь, будет одно из двух: или меня уроют, или я сдохну от скуки.